

А вот — фото Тарковского... Фото сделано 16 декабря 1981 года в Ленинграде. Он стоит на сцене, снято чуть со спины... отвечает на вопросы зрителей. Маленького роста, густые черные волосы, черные усы. Он — кавказских кровей? Волосы жесткие, прямые. Я любил его. Это особенное для меня чувство, которое я переживаю с болью, светло, как-то особенно счастливо. Я любил его всего — и его привычки, интонации, походку, и особенные движения рук.

Он грыз ногти. Я спросил, зачем он это делает. Он, улыбнувшись, ответил просто: а не знаю.

До сего дня помню запах его джинсовой куртки. Он обнимал меня при встрече, я прижимался к его груди, он шурился, улыбался.

Я никогда не хотел быть похожим на него, никогда не хотел быть учеником его. У него нечему было учиться — все, что он умел, употребимо могло быть только им. И его ремесло, и его художество — это слитная с ним ткань, его кожа и плоть.

Всем этим он мог поделиться только со своим ребенком. Вот Андрею, сыну своему, он чуточку себя в использование и отдал.

Почему-то вспомнил: когда Андрюша был совсем маленьким, я, заходя в его спальню попрощаться перед сном, всегда удивлялся, что мальчика-школьника укладывают спать в ночной рубашке. Отец тоже был раздражен этим и в который уже раз просил Ларису Павловну дать мальчишке право выбирать самому, что надевать. Тарковского раздражала всякая форма несвободы.

...забавно, когда говорят, что мои фильмы похожи на его фильмы. Это более чем поверхностное суждение. Но наши с ним фильмы имеют один прочный корень — это классическая культура XIX века. Все «особенное», уникальное у нас, в наших фильмах, — это от подслушанного, подсмотренного нами у Писателей: они ведь большие, живут долго, почти вечно. Их много — с разных концов Старого и Нового Света сосредоточенно смотрят они в одну точку, в одно место на земле.

Вглядываются туда, где живет Человек, — это единственное, что интересует их.

Правда, и они, Писатели, с опаской иногда оглядываются на своих Богов.

Мы-то знаем, что и писателям Боги говорят то же, что и нам, и так же укоризненно покачивая головой.

Кинорежиссеров Боги еще не видят — мы слишком малы для них.

...Хорошо помню неоднократно повторяемые Тарковским слова, обращенные ко мне: — Никогда не смог бы делать такие фильмы, как вы, никогда не смог бы так приближать к себе людей, как вы это делаете... Неужели вы их не боитесь? Разве можно так приближать к себе чужого, нового человека, который случайно оказался с вами рядом? Они, эти люди, опасны!

— Но я как-то особенно чувствую этих людей, они вместе со мной создают эти фильмы, я могу делать это только вместе с ними... Вам ведь так нравятся эти фильмы! Эти люди оставляют в них часть души. Актер меня не интересует, меня интересует Божественное творение — человек, — настаивал я.

— Вы ошибаетесь! Вы ошибаетесь! — Он начинал говорить громко, и голос его пел, звучал высоко. — Это только ваша душа, это ваши мысли, только ваша боль сердца. А они, эти милые люди, лишь присутствуют при этом, тихо помогают и следуют вашему голосу и мыслям! Вы не имеете права недооценивать себя! Будьте внимательны, бдительны — не расточайте тепла своего уникального сердца, его может и не хватить надолго...

Одному Богу известно, как пугали меня его слова о моих «величии» и уникальности, — я, совсем еще молодой человек, не мог принять здравицы в свою честь, справедливо полагая, что и Гений может ошибаться.

Он был Гений, но он был и любимым человеком... Капитан корабля больше своей команды, больше своего корабля и даже больше моря, которое их окружает. Он может сделать с ними все, что пожелает.

Капитан больше, чем море.

На своей фотографии, подаренной мне как-то, Тарковский написал: «...Саше Сокурову с надеждой и грустью».

...с болью, горечью и слезами вспоминаю наши вечерние и ночные разговоры, наше молчание.

И видит Бог, мне совсем не хотелось говорить с ним о кино, об искусстве. Хотелось говорить о людях, о судьбе, о мире, огромном и маленьком в географическом понимании и о бескрайнем — как о пространстве Божественной души.